

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный
университет»,
Институт истории и политических наук,
кафедра новой истории и мировой политики,
Тюмень, Россия

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ КАК РИСК: НОВЫЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ

Аннотация: В статье поднимается проблема совершенствования теоретических подходов к исследованию студенческого протеста. Выделены особенности последних разработок в зарубежной и российской науке. Автор обосновывает необходимость использования в познавательном процессе инструментария рискологической парадигмы. Внимание акцентируется на ключевых признаках риска, обозначенных в трудах У. Бека, Э. Гидденса, М. Дугласа. Делается вывод, что студенческий протест является частью глобальной рискогенной среды.

Ключевые слова: студенческий протест, параметры риска, неопределенность, непредсказуемость, амбивалентность, инверсивность.

Утверждающаяся глобализационная и рискогенная современность неизбежно влечет многомерные общественные трансформации, задает алгоритм изменению характера любых процессов, явлений, отношений. Осознание эволюционных тенденций как данности требует признания необходимости совершенствования устоявшихся теоретических конструкций, переориентации вектора научной экспликации в сторону риск-аналитической перспективы. Логика заключается не в отказе от методологических и концептуальных достижений, а их выводе на уровень, отвечающий новому состоянию реальности. В этом смысле интеллектуальная рефлексия, связанная с изучением студенческого протеста со смещением фокуса в обозначенном направлении, представляется своевременной. Продуктивность такого подхода оправдана в силу эффекта более валидного, глубокого проникновения в суть феномена, обнаружения особенностей, закономерностей, зависимостей, прежде не видимых и не идентифицируемых, предотвращения просчетов при прогнозировании ситуаций.

Обзор последних разработок по проблематике свидетельствует, что ее рассмотрение осуществляется по-прежнему в рамках выработанной исследовательской традиции с опорой на парадигмы конфликта, насилия, социальных движений, сетевой и коммуникативный подходы. В западной науке при анализе и осмыслении актуальных проявлений в Чили, Великобритании, Голландии, Египте и других странах либо осуществлении экскурса в историю движе-

ния при выборе фундаментальных ориентиров предпочтение отдается социально-психологическим и когнитивным теориям, концепциям мобилизации ресурсов и структуры политических возможностей [7, 8, 11]. Представители российской школы сосредотачиваются на дескриптивной и интерпретационной историографии, практикуя возвращение к событиям 1968 г., участию российских студентов в революции 1917 г., эксцессах послевоенного СССР [3, 4, 6]. Другое направление в основном представлено отдельными эмпирическими исследованиями протестного потенциала, а также уровня интенсивности и радикализации политической активности студенчества в субъектах РФ [1, 5].

Цель данной статьи заключается в обосновании гипотезы о возможности оптимизации понимания студенческого протеста в качестве составляющей системы рисков, формирующих смысловой контекст современной общепланетарной динамики.

Для операционализации привлечен атрибутивный аппарат, маркеры которого выделяют объекты с указанным форматом означивания. Опираясь на идеи У. Бека, Э. Гидденса, М. Дугласа, внимание сконцентрировано на пяти признаках, через которые студенческий протест может быть репрезентирован как риск: сложность явления, его неопределенность, непредсказуемость, амбивалентность последствий и инверсивность действия [2, 9, 10].

Тот факт, что студенческий протест демонстрирует наивысшую степень сложности среди проявлений подобного рода, выразителями которых выступают представители иных стратификационных и возрастных сегментов, подтверждается, прежде всего, уникальными характеристиками субъекта. Принадлежность к наиболее пассионарной и мобильной социальной группе с развитым чувством солидарности, свободы и неконформизма, креативным мышлением, наделенной определенным интеллектуальным капиталом и занимающейся его приращением, ориентированной на собственные ценности, уклонение от статических трансакций и вертикально структурированных организационных форм, способствует соответствующей социализации и укреплению поведенческих кодов, не поддающихся безусловному прочтению, запрограммированной перенастройке или управлению.

Многогранность феномена, кроме того, обеспечи-

вается множественностью структурных элементов, несущих различную функциональную нагрузку и находящихся в отношениях полизависимости и влияния, которые варьируются от латентных до очевидных, прямых до нелинейных, внутригрупповых до сетевых, характеризуются параметрами комплементарности, параллельности или ортогональности.

Вклад в повышение сложности вносит также фактор наличия непростых комбинаций каузальных и корреляционных переменных, триггер-событий, запускающих конфронтационный процесс, способствующих его эскалации или, напротив, блокировке. В причинно-следственную цепочку нередко включаются промежуточные предикторы, вступающие во взаимодействие и подверженные корректировке, согласно диктату перманентно изменяющихся внешних условий и обстоятельств.

Ответ на вопрос об определенности студенческого протеста является аксиоматичным. Не существует явления, в отношении которого субъективно выработанные авторами смыслы отвечали бы требованию универсальности, удовлетворяя все решения, не вызывая разночтений в толковании и взаимной критики. Не остается неизменным и первоначально предложенное знание. Оно претерпевает обновление, корреспондирующее модернизирующейся практике. Появление новых пространств протеста, расширение репертуара за счет генерализации испытанных ранее, ставших классическими техник и инновационных вариантов, спектр которых разрастается благодаря использованию высокотехнологичного инструментария, а также инкорпорации теоретических экспериментов, делает научные представления о студенческом протесте одномоментными, избирательными, а сценарии развития – вероятностными, согласующимися с действием закона релятивности и приближения.

Проблема прогнозирования студенческого протеста впервые обозначилась в 1960-1970-х гг., когда широкомасштабные студенческие волнения стали неожиданным событием не только для правительств, социумов, но и экспертов. Опыт эмпирического анализа и моделирования несколько повысил уровень их предсказуемости, однако не решил проблему принципиально. Об этом свидетельствует, например, восприятие в Великобритании студенческих выступлений

2010 г. как чрезвычайных, не имеющих под собой достаточно веских оснований.

Еще одним критерием, по которому рассматриваемый феномен следует относить к категории рисков, является инверсивное воздействие на сферы, не входящие в пространство непосредственных объектов недовольства, притязаний, требований. Представляя собой, как правило, реакцию на ухудшение условий жизнедеятельности и отсутствие перспектив в воплощении депривированных ожиданий, студенческий протест имеет свойство распространять от центра индукции резонансные возмущения вторичного и третичного порядков на неполитические подсистемы. Показателен в этом отношении цикл 2012-2013 гг., когда студенческая мобилизация в Мексике, Чили, Турции, Египте, Франции получила перевод в силовое решение, в результате реализации которого пострадали коммерческий и частный секторы, был нанесен ущерб транспортным компаниям и объектам парковой зоны, зданиям административного и культурного назначения. Материальные потери понесли университеты, учреждения пенитенциарной системы и СМИ.

Преыдушие рассуждения подводят к аспекту двойственной природы студенческого протеста, определяющей амбивалентный характер наступающих эффектов. Нет ничего удивительного в том, что на правовом уровне и в плоскости обыденного спора не прекращаются дискуссии по поводу статуса предпринимаемых действий. У одной части общественного сегмента они получают легитимацию и отстаиваются в качестве нормы, противники квалифицируют такое поведение в категориях девиантности.

В формировании субъективных интерпретаций играет роль не только идентификационная доминанта, обуславливающая ангажированную модальность значений. Объективно студенческий протест может иметь как конструктивные последствия, запускающие процессы прогрессивных общественных сдвигов, так и усиливать дестабилизационные и дезорганизационные тренды, несущие опасность демонтажа действующего политического режима.

Например, студенческое движение в США в 1960-1975 гг., направленное на демократизацию общественно-политической жизни, имевшее своей целью защиту гражданских прав афроамериканцев, пре-

кращение войны во Вьетнаме, снижение неравенства в плане предоставления материальных условий и шансов, оказало положительное влияние на изменение социально-политической ситуации в стране. Украинский случай 2014 г. – убедительная демонстрация развития событий по радикальному сценарию.

Итак, из проведенной аргументации следует логический вывод: студенческий протест соответствует ключевым параметрам рискогенной среды. Высокая степень сложности, неопределенность и амбивалентность, слабая предсказуемость и способность к опасным экстразональным возмущениям – характеристики, увеличивающие объяснительные возможности для отнесения феномена к кластеру, составляющему специфику современного небезопасного общественного развития, позволяя идентифицировать его и обособлять в общем ряду аналогичных вариаций.

Резюме:

В статье поднимается проблема вывода исследования студенческого протеста на новый уровень. Установлен факт апелляции авторов классическими теоретико-методологическими схемами анализа. Автор обосновывает необходимость осмысления феномена в рамках рискологической парадигмы. Проводится адаптация нового инструментария к анализу студенческого протеста. В центре внимания – параметры риска, обозначенные У. Бекком, Э. Гидденсом, М. Дугласом.

Pustoshinskaya O.S.

STUDENT PROTEST AS RISK: A NEW APPROACH TO UNDERSTANDING

The article raises the problem of improving the theoretical approaches to the study of student protest. Installed features of the latest developments in the foreign and Russian science. The author proves the need to use tools of riskological paradigm in the cognitive process. Attention is focused on the key risk indicators identified in the works of U. Beck, A. Giddens, M. Douglas. The conclusion is that the student protest is part of a global risk-taking environment.

Keywords: student protest, risk parameters, uncertainty, unpredictability, ambivalence, inverse.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барков Ф.А., Волков Ю.Г., Сериков А.В. и др. Общественно-политические настроения молодежи в южном регионе: потенциал общественной и протестной активности // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России: монография / Под ред. В.В. Маркина. М.: Издательство «Новый хронограф», 2015. С. 379-410.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Издательство «Прогресс-Традиция», 2000. 384 с.
3. Бургаз Ю.В. Российское студенчество в февральской революции 1917 г. // Проблемы современной науки. 2015. № 19. С. 94-102.
4. Конохова А.С. Студенческий политический протест в Ленинградском государственном университете в 1950-1960-х гг. // Клио. 2013. № 10. С. 117-120.
5. Лукичев П.Н. Протестный потенциал студенческой молодежи юга России (по материалам социологического исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 7. С. 199-209.
6. Сошников А.Е., Никитина А.С. Студенческие волнения во Франции в 1968 г.: предпосылки, эскалация и итоги // История и археология. 2015. № 6. С. 12-16.
7. Cammaerts B. The mediation of insurrectionary symbolic damage: the 2010 UK student protests. URL: http://eprints.lse.ac.uk/51938/1/Cammaerts_Mediation_symbolic_damage_2013.pdf.
8. Cummings P. Democracy and student discontent: chilean student protest in the Post-Pinochet era. URL: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jpla/article/view/900/907>.
9. Douglas M. Risk and blame: essays in cultural theory. London: "Routledge", 1992. 336 pp.
10. Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge: "Polity", 1990. 200 pp.
11. Slobodian Q. Dissident guests: afro-asian students and transnational activism in the West German protest movement // Migration and Activism in Europe since 1945 / ed. W. Pojmann. N.Y.: "Palgrave", 2008. pp. 33-56.